

Сергей Сергеев

ЕЩЁ РАЗ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМЕ

Олег Кильдюшов в своей блестящей статье «Нелегитимная власть и интеллектуалы-коллаборационисты» (ВН. 2013. № 15), кажется, впервые в нашей публицистике столь принципиально и остро поставил один из важнейших вопросов, давно волнующий современное русское интеллектуальное сообщество: как возможно, чтобы некоторые видные представители последнего — принадлежащие практически ко всем направлениям идейно-политического спектра, — откровенно обслуживая интересы правящего антинационального режима, находясь иногда прямо на «кремлёвской» зарплате, продолжали претендовать (и довольно успешно) на роль авторитетных лидеров общественного мнения?

Касаясь исторических корней этого удивительного феномена, Кильдюшов (ссылаясь в том числе и на моё мнение) совершенно справедливо констатирует, что в дореволюционной России подобное было бы невозможно. Думаю, нелишне привести некоторый фактический материал для подтверждения данного тезиса.

Начиная с 1860-х гг., когда русская интеллигенция сформировалась как своеобразная, относительно автономная от государства социальная группа, её определяющим идеологическим и нравственно-психологическим трендом стала — в разных вариациях — резкая оппозиционность по отношению к правящему режиму. Поэтому в интеллигентской среде подвергались остракизму не только интеллектуалы, недвусмысленно поставившие свои

знания и способности на службу самодержавию (как, скажем, М.Н. Катков), но и всякий, кто в указанном тренде хотя бы усомнился или попытался критически отнестись к тем или иным догматам освободительного движения. «Если ты не с нами, так ты подлец!» — такую, довольно точную формулу «либерального деспотизма» вывели его оппоненты. Поскольку интеллигенция в то время концентрировалась прежде всего в «литераторской» (т.е. не только собственно писательской, но и журналистской) среде, то в качестве главного средства наказания еретиков применялся *литературный бойкот*.

Большинство периодики находилось в частных руках, идеологически она была на две трети либо либеральной, либо социалистической, поэтому проштрафившийся интеллигент, говоря языком той эпохи, «исключался из литературы», становился «литературным изгнанником» (В.В. Розанов). Единственным прибежищем для таких аутсайдеров оставались консервативные издания — немногочисленные, непрестижные, платившие мизерные гонорары, а то и вовсе не платившие (за редким исключением, вроде катковских «Московских ведомостей» и «Русского вестника», а позднее ещё суворинского «Нового времени»). То есть отступники были обречены не только на общественное порицание, но и на крайне скудное существование.

Среди пострадавших от «литературного террора» мы видим множество известных литераторов, в том числе и таких ныне признанных классиков

как Н.С. Лесков и А.Ф. Писемский. Пожалуй, только Ф.М. Достоевскому, благодаря огромной читательской популярности, славе певца «униженных и оскорблённых», антибуржуазному пафосу и каторжному прошлому, простили «измену убеждениям юности», сотрудничество в «Русском вестнике» и дружбу с К.П. Победоносцевым. Но и автор «Преступления и наказания» побаивался «либеральной жандармерии». А.С. Суворин в своём дневнике приводит такой характерный разговор с писателем незадолго до его смерти.

«— Представьте себе, — говорил он, — что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждёт и всё оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завёл машину”<...> Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?»

— Нет, не пошёл бы.

— И я бы не пошёл. Почему? Ведь это ужас. Это преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить... Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумывал причины, которые мне не позволили бы это сделать. Эти причины прямо ничтожные. Просто боязнь прослыть доносчиком. <...> Напечатают: Достоевский указал на преступников. <...> Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? <...> Я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и полезного и для общества, и для правительства, а этого нельзя»¹.

Кстати, и сам Суворин, материаль-

но совершенно независимый человек, один из самых успешных русских издателей, явно занервничал, когда в 1899 г. Суд чести при Союзе взаимопомощи русских писателей (где первую скрипку играли литераторы-прогрессисты), рассматривавший случаи нарушения некоей неписаной писательской этики, вынес осуждение его «литературным приёмам», в связи с суворинскими статьями, направленными против организаторов студенческих волнений². Естественно, никаких юридических последствий такое осуждение не имело, но репутационные издержки от него были весьма неприятны.

И уж, конечно, совершенно невозможно представить себе, чтобы оппозиционер или революционер, перебежавший в «лагерь реакции», продолжал бы считаться хоть сколько-нибудь «своим» среди прежних соратников (кстати, и на новом поприще они, как правило, большой карьеры не делали). В лучшем случае про них с грустью говорили, что они «заболели психически», в худшем — ославляли как гнусных ренегатов. Мы знаем несколько примеров такой — причём несомненно искренней — «перемены убеждений»: сотрудник А.И. Герцена В.И. Кельсиев, революционный пропагандист А.А. Дьяков (литературный псевдоним — А. Незлобин), участник процесса 193-х, узник Петропавловки Ю.Н. Говоруха-Отрок, наконец, самый скандальный пример — один из вождей «Народной воли» А.А. Тихомиров. Перейдя работать в проправительственную прессу, никто из них не сохранил свои прежние позиции в «демократическом» поле, так или иначе подвергшись общественной обструкции.

Особенно колоритно выглядит следующий эпизод с Говорухой-Отроком. В 1882 г., находясь после выхода из тюрьмы под надзором полиции в Харькове, он опубликовал в местной газете

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 453 — 454.

² См.: Там же. С. 323–337.

«Южный край» памфлет против народничества «Повесть о том, как Сеничка и Веничка в “народ” ходили», а затем совершил ещё более тяжкое преступление — выступил на защите магистерской диссертации «реакционного» приват-доцента правоведа К.Н. Яроша. Спустя два месяца после этого к Говорухе, сидевшему в ресторане в компании друзей, подошли трое радикальных студентов, и между ними состоялся следующий диалог:

«Это вы участвовали в процессе 193-х? — «Я». — «Вот видите, вы когда-то были честным человеком, а теперь, а теперь на диспуте Яроша сделали первую *подлость!*»

В ответ Говоруха ударил обличительным стаканом по голове и ушёл из ресторана. Инцидент сделался предметом бурного обсуждения, в том числе и в печати — как цензурной, так и бесцензурной (ему была посвящена специальная революционная листовка), двух студентов — участников скандала — исключили из университета, разразились студенческие волнения, из-за которых Харьковский университет временно закрылся, а Говоруха-Отрок был вынужден уехать, а если называть вещи своими именами — *бежать* из Харькова на полгода, ибо для большинства местной интеллигенции он стал персоной нон грата³.

Позднее, после революции 1905 г., когда политическая система Российской империи начала — пусть и со скрипом — демократизироваться, накал «литературного террора» несколько снизился (вспомним хотя бы реакцию на знаменитый антиинтеллигентский сборник «Вехи» — его авторов ругали изрядно, но всё же не «исключали из литературы»), однако как оппозиционная практика он продолжал сохранять своё значение, ибо антаго-

низм общества и власти так и не был преодолен.

Истоки нынешней странной ситуации, когда некоторые ловкие интеллектуалы получают прибыль — и материальную, и символическую — сразу и от власти, и от находящегося с ней во всё более непримиримом конфликте общества, там же, где и истоки государства под названием Российская Федерация, — в позднем СССР. Советская гуманитарная интеллигенция принципиально отличалась от интеллигенции русской тем, что не представляла собой относительно автономного социального слоя, это была просто одна из групп государственных служащих. Реализовываться в такой среде в качестве последовательного оппозиционера и в то же время сохранять блага, получаемые от государства, было невозможно. Но просто работать обслугой непопулярного режима стало уже непрестижно. Поэтому советские интеллигенты, желавшие и невинность соблюсти и капитал приобрести, в меру своих творческих способностей и моральных свойств пытались балансировать между диссидентством и официозом, превратив это увлекательное занятие в настоящее искусство. Некоторые его виртуозы достигали уровня т.н. «придворных диссидентов», совмещавших репутацию крамольных вольнодумцев и личные контакты с руководством советской политической полиции. Титанические фигуры Е.А. Евтушенко, Ю.П. Любимова, И.С. Глазунова — ярчайшее олицетворение этого поразительного явления.

В РФ вроде бы государство — не единственный работодатель для интеллектуалов, но безусловно — самый главный. И это такой работодатель, который медленно, но верно уничтожает интеллигенцию «как класс». Её подавляющее большинство — вузовские преподаватели — превращены в маргинальную, сокращающуюся на глазах, как шагреновая кожа, лишённую всякого общественного влияния,

³ См. об этом эпизоде подробнее: *Иванова Е.В.* Ю.Н. Говоруха-Отрок: судьба и идеи // *Говоруха-Отрок Ю.Н.* Во что веровали русские писатели. Т. 1. СПб., 2012. С. 42–50.

вынужденную за гарантированную нищету заниматься потогонным трудом (иные доценты в день дают по шесть пар) группу. Сотрудники академических институтов, как правило, трудятся из чистого научного энтузиазма, подрабатывая «на стороне». Немногим избранным счастливым выделены доходные должности кремлёвских трубадуров. Имеются ещё специальные оазисы «официальных либералов» типа «Эха Москвы» и «Новой газеты». Ну и, наконец, есть небольшие островки несистемных интеллектуалов, выживающих кто как может (собственно, там и продолжает развиваться русская мысль). Так что выбор для тех, кто хотел бы заниматься интеллектуальной деятельностью и этим зарабатывать на жизнь, невелик, да и количество свободных мест явно недостаточно.

По простой «классовой» логике, именно интеллигенция в первую очередь заинтересована в уничтожении нынешнего социально-политического строя, по сравнению с которым не только самодержавие, но и поздний советизм кажутся потерянными раем и в смысле материальной обеспеченности, и в смысле социального статуса. Но замордованным вузовским работникам не до борьбы — им бы «только ночь простоять да день продержаться», не потеряв и те крохи, что им перепали. Либералы сражаются только за свои отдельно взятые права (вспоминается классическое: *«Ты для себя лишь хочешь воли»*). Ну а про трубадуров что говорить... если бы в их числе всё чаще и чаще не стали появляться люди, ранее претендовавшие на идеологическую независимость, а то и на оппозиционность.

Трудно поверить, что этот «коллаборационизм» обусловлен идеалистическими соображениями. Искренне не видеть антинациональной сущности правящего режима РФ — значит расписаться в отсутствии простейших аналитических навыков. Последнее прибежище охранителей — басни об

изнемогающем в борьбе с коварными кремлёвскими либералами Путине — могут удовлетворить только придурковатых попики (батьшками их язык не поворачивается назвать!) с «Русской народной линии». Карьера и материальный достаток — вещи действительно важные, но если на них обмениваешь интеллектуальную честность, нужно быть готовым к профессиональной дисквалификации.

Ибо всё же интеллектуал — это не просто обладатель определённого набора умственных способностей и гуманитарных знаний, которые можно более-менее выгодно продавать, это прежде всего человек, который стремится — как бы это выпендренно ни звучало — *говорить правду, называть вещи своими именами*, а не путать чёрное с белым.

В общем-то «коллаборанты» сами себя успешно дисквалифицируют, ибо в их верноподданнических тостах, выдаваемых за аналитику, принесение в жертву интеллекта явлено с пугающей откровенностью. Защищая очевидную ложь, невозможно сказать что-либо умное.

Но это, к сожалению, не только их личная проблема, они тем самым дискредитируют интеллектуальное сообщество как таковое, девальвируют его статус. Действительно, как можно оценивать такую корпорацию, ведущие представители которой пробавляются несомненной профанацией? Я уже не говорю о катастрофических моральных издержках рассматриваемого явления — это ведь подлинный соблазн для всех нас, особенно для молодых и начинающих: оказывается, можно лгать, но при этом не только преуспевать, но и продолжать пользоваться уважением. Мы не властны лишить «коллаборантов» источников их благополучия, но мы можем лишить их нашего уважения.

И ещё: нам нужна длинная память, ибо как только олигархо-чекизм рухнет, мы непременно увидим былых его

апологетов в первых рядах освободителей России, готовых немедленно пере-сесть из одних мягких кресел в другие, чтобы теперь вещать нам уже не о прелестях просвещённого авторитаризма, а о величии свободы и демократии. Необходимо будет тогда напомнить им знаменитый афоризм: *в политике нет мести, но бывают последствия.*

Я вовсе не призываю вернуться к тоталитарным методам борьбы с ренегатами, присущим дореволюционной русской интеллигенции, — очевидно, что они нанесли слишком большой урон отечественной культуре. Но благодушная снисходительность к греху интеллектуальной нечестности (дескать, «все мы люди») — путь к разложению самих основ нашего со-

общества. Должна же в нём практиковаться элементарная нравственная гигиена!

Если долг интеллектуалов — называть вещи своими именами, то и его нарушение надобно именовать именно так, а не иначе, и людям, поправшим профессиональную этику, следует ожидать, что их дурные поступки будут оценены именно как дурные поступки, а не как невинные шалости или жертвенные компромиссы во имя спасения Родины.

Интеллектуальное сообщество не может превратиться в полицейский участок, кто бы в последнем ни верховодил — либералы, левые, консерваторы, националисты; но ещё менее оно может быть домом терпимости.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).